

*ольга
алленова*

*форпост.
беслан и его
заложники*

УДК 323.28
ББК 63.3(2)64
А45

Алленова, Ольга

А45   Форпост. Беслан и его заложники / Ольга Алленова. —
Москва: Индивидуум, 2019. — 278 с.

ISBN 978-5-6042627-8-8

Трагедии в Беслане — 15 лет. Если остальная Россия вспоминает об этом только в первую неделю сентября, то в самом Беслане о случившемся не забывают ни на день. Журналист ИД «Коммерсантъ» Ольга Алленова, писавшая репортажи у стен захваченной террористами школы, возвращается в город, чтобы встретиться с выжившими, с родственниками погибших и другими свидетелями — и показать, что случилось в школе и как Беслан живет после теракта.

ББК 63.3(2)64
А45

© Ольга Алленова, 2019

© «Коммерсантъ», публикации, 2004–2014

ISBN 978-5-6042627-8-8

© ООО «Индивидуум Принт», 2019

Содержание

Глава 1. Война и смерть

Верные себе	11
Проданный город	19
Первый день ада	23
Ультиматум	31
Девочка на газоне	49

Глава 2. Смерть после смерти

Четыре пирога	65
Георгий	76
Светлана	80
Володя	84
Город ангелов и белых птиц	90

Глава 3. Вина и смерть

Встреча с прокурором	107
Отставка	117
Свечи на асфальте	121
Несказанные слова	125

Глава 4. Суд и смерть

Подсудимый	131
Потерпевшие	138
Тайны следствия	145

Вопросы без ответа	149
Смерть за смерть	164

Глава 5. Между жизнью и смертью

Опасная комиссия	169
В Кремль	178
Раскол	187
Кнут и пряник	194
Тот самый доклад	202
Особое мнение депутата Савельева	214
Еще одно письмо президенту	224

Глава 6. Жизнь после смерти

Вечная память	233
Комитет	239
Матери в оппозиции	244
Пережить и жить	248
Горячая граница	252
Тюльпан, нарцисс и подснежник	255
Эпилог	261
Фотографии	267

глава 1. война и смерть

Верные себе

В августе 2004-го я провела в Чеченской Республике более двух недель. Для меня это была очень тяжелая командировка. С начала Второй чеченской войны я практически не отдыхала, а самое главное — жила в состоянии глубокой психологической травмы и не обращалась к специалистам. Война, которую я видела своими глазами в 1999–2000 годах, продолжала жить во мне, разрушая мою личность, мою веру в Бога, мое ощущение безопасности, в конце концов. Мне казалось, что я нахожусь внутри какого-то кокона — липкого и гадкого, — и уже не я, а он определяет мои поступки, мою жизнь. Мне часто снился старик в одеяле и ушанке, стоявший на балконе многоэтажки, половина которой обрушилась от бомбежек. Я вспоминала людей, которые выползали на моих глазах из подвалов Грозного в начале февраля 2000 года, как они ели трясущимися руками кашу из походного котла МЧС и жимали головы в плечи от любого громкого звука — потому что привыкли прятаться от снарядов.

Я входила в эту войну журналистом, уверенным в том, что мое государство действует правильно. Прожив детство и юность в Северной Осетии, я знала о похищениях людей, за которых требовали выкуп или угоняли в рабство, о бандитских набегах из Чеченской Республики на соседние районы, о безвластии или многовластии вооруженных группировок в Чечне. Никогда не забуду видео казни заложника в Чечне, записанное боевиками и показанное на федеральном

телеканале. Я проплакала тогда весь день. Эту войну я воспринимала как необходимую операцию по удалению гангрены на теле России. Осенью 1999-го официальные власти говорили, что все мирные жители вышли из Грозного по гуманитарному коридору и бомбят в Грозном только боевиков.

Вся моя вера разрушилась в начале 2000 года, когда я приехала в чеченскую столицу с первой колонной МЧС и увидела стариков, женщин и детей, живших в подвалах, голодавших, каждый день ожидавших смерти в виде артобстрела или бомбового удара. Я слушала рассказы людей, потерявших родных. Они не знали, кто теперь для них враг, кому нужно верить, кого следует бояться. В ту зиму я много раз слышала от местных, что они никогда не простят этой войны России. Я видела много обиды, ненависти, страха. Даже лояльные федеральному центру бойцы чеченского ОМОНа говорили, что ковровые бомбардировки на собственной территории, где живут собственные граждане, — это беспредел.

С того дня я как будто потеряла почву под ногами. Я не знала, что правильно, а что нет. По сути, переставая понимать границу между добром и злом, мы теряем часть своей личности. Потому что доброе начало заложено в каждого человека и каждый может видеть эту границу. Я же видела, как мое государство поступает со своими гражданами и при этом врет остальным, — но не понимала, какой выход был из этого чеченского тупика, в который зашла Россия в конце XX века. Это сейчас, став старше и повидав много стран, имевших разный опыт борьбы с терроризмом, я знаю, что спецслужбы для того и существуют, чтобы не допускать открытой войны, ковровых бомбежек. Поддерживают каких-то авторитетных лидеров на проблемной территории, налаживают с ними государственное взаимодействие, финансируют

их и восстанавливают через них контроль. Именно так Россия и поступила с Чечней впоследствии, когда ее возглавил старший Кадыров. Но в конце 1990-х у руководителей страны, кажется, не было желания искать менее кровавые пути выхода из этого конфликта. Новому президенту нужна была победоносная война, чтобы утвердить на ней мощь новой власти, нового государства, сплотить народ вокруг нового лидера, — это давно известная в политике формула. И Кавказ с его нерешенными земельными, политическими, геополитическими проблемами подходил для этой цели лучше всего.

В течение следующих лет я слышала от чеченцев упреки в адрес Осетии, с территории которой взлетали боевые самолеты и вертолеты. Несколько столетий Владикавказ был для России оплотом на беспокойном и до конца не покоренном Кавказе. Но у Осетии никто не спрашивал, нужны ли ей военные аэродромы, воинские части, хочет ли она войны в соседней Чечне. Осетия как единственная республика на Кавказе, которая всегда была лояльной и законопослушной, принимала существующие правила как неизбежность. Это в воюющей Чечне не все понимали. «Это же ваш форпост», — говорили там.

Еще во время моей работы в газете «Северная Осетия», осенью 1999 года, я взяла интервью у генерала Шаманова, командующего западным направлением в военной операции на территории Чечни, и редакция попросила меня изменить слишком воинственный заголовок «Генерал Шаманов вошел в Волчьих ворота» на «Боевой генерал мечтает о мире». Мне сказали, что Осетия демонстрирует не воинственность, а, напротив, только мирные и дружеские настроения в отношении соседних республик и что такова позиция президента Северной Осетии Александра Дзасохова. Тогда я была возмущена цензурой, но впоследствии, слыша от чеченцев фразу про

форпост, поняла, чего боялись власти Северной Осетии. Москва далеко, а ее военное присутствие сосредоточено в Северной Осетии. Те, кто пострадал в Чечне от этого военного присутствия, будут мстить. Осетия перед ними была беззащитна.

Как человек из местной, кавказской, среды, я чувствовала, что эта война в отдельно взятой республике опасна для всего Кавказа, но больше всего — для Осетии.

Несколько лет Осетию и соседнее Ставрополье лихорадило, террористы-одиночки взрывали маршрутки, захватывали автобусы, устраивали теракты в общественных местах. В августе 2003-го террорист взорвал военный госпиталь в моем родном городе — Моздоке. Там работала моя тетка, которая тогда выжила, но через несколько лет умерла от стремительной тяжелой болезни. Нападение на госпиталь для меня стало тяжелым ударом. Несмотря на то, что назывался он военным, лечились там в основном гражданские. В городских учреждениях медицинская помощь оставляла желать лучшего, а в госпитале работали очень хорошие врачи и медсестры. Поэтому местные жители старались туда попасть на лечение.

Уже тогда я понимала, что это только начало. Форпост принял удар на себя, как и положено форпосту.

Но война вышла далеко за пределы Чечни чуть раньше. 23 октября 2002 года вооруженные террористы захватили заложников в Театральном центре на Дубровке в Москве. В мюзикле «Норд-Ост» играл мой друг и одноклассник Сергей Ли, но, по счастливой для него случайности, его не было в этот день в театре.

Я провела на Дубровке несколько дней* — говорила с родственниками заложников, чиновниками, военными. Больше

* «Ъ», 26.10.2002, «Они сказали, что завтра начнут расстреливать».

всего запомнила встречу Валентины Матвиенко с родственниками заложников. Матвиенко тогда была вице-премьером, и этот эпизод кажется мне особенно важным для понимания последующих событий в Беслане.

Утром 25 октября террористы пообещали отпустить большую группу заложников, если их родные проведут на Красной площади митинг против войны в Чечне. Родственники и друзья заложников стали собираться, чтобы идти на Красную площадь. Кажется, кто-то даже писал плакат. Расчет террористов был понятен: весь мир увидит картинку из центра России, с Красной площади, где измученные граждане требуют вывести войска из Чечни. Политические цели этой вооруженной группировки были очевидны всем. Кремль дал приказ не допустить протеста.

Возле оперативного штаба собралось много людей, они плакали и кричали: «Если мы не выйдем на площадь, они завтра начнут расстреливать заложников!» И тогда их позвали в штаб на встречу с Матвиенко. В этот момент здесь она была первым лицом государства. Из-за давки и спешки стоявший на входе милиционер не успевал сверить все фамилии входящих с данными заложников, и две женщины со словами «Она наша» провели меня внутрь.

Матвиенко обратилась к нам со словом «коллеги», что меня совершенно потрясло. Оно означало, что для нее эта миссия — просто формальное выполнение президентского поручения. Прошло 16 лет, а я до сих пор помню этот день и это слово, обращенное государственным чиновником к обезумевшим от горя людям. Чиновница сказала, что власть делает все возможное и любое нагнетание ситуации и требование митинга на Красной площади не помогут, — мол, бандиты на это и рассчитывают.

Школа № 1 — старейшее учебное заведение в Беслане, построена в 1889 году

— Так делайте то, на что они рассчитывают! — закричали в зале. — Завтра они начнут стрелять в наших детей!

— Сегодня на территории России много бандформирований, — сообщила вице-премьер. — Мы не можем мириться с этим и не разоружать их.

По сути, она сказала, что государство не может идти на уступки бандформированиям. Ее мысль поняли.

— Вот это позиция! — ответили из зала. — Вы за счет наших детей авторитет свой пытаетесь сохранить!

Матвиенко снова сказала, что «нужны терпение и выдержка» и «не надо потакать террористам», потому что «это не поможет». Люди яростно выкрикивали обвинения в адрес власти и лично вице-преьера, кто-то призвал идти на Красную площадь, и вице-премьер закричала:

— Коллеги! Это спекуляция! В городе введен особый режим. Красная площадь закрыта. Мы решаем вопрос об

освобождении людей. Я не могу говорить вам подробностей, но поверьте, есть план действий, мы делаем все возможное.

— Да вы что, штурмовать собрались? — раздалось из зала.

— Я вам обещаю, штурма не будет, — сказала чиновница.

— Почему вы не хотите закончить войну? — спросили ее. — Дайте им свободу, пусть живут сами!

— Войска постепенно выводят, — немного подумав, сказала вице-премьер. — Но нельзя полностью их выводить. Это значит, мы отдаем людей, которые там живут, в руки отъявленных бандитов!

И еще она сказала:

— Мы не хотим показывать им слабину. Мы не боимся их, мы знаем, что делать!

— Вы не боитесь, потому что детей ваших там нет! — ответили ей.

Утром 26 октября в зал, где террористы удерживали заложников, спецслужбы пустили неизвестный нервно-паралитический газ, который обезвредил боевиков и в итоге убил многих заложников. Во время спасательной операции никто не знал, как реанимировать заложников, какой нужен антидот от примененного спецсредства. Погибло 130 человек. Власть осталась верна себе и не пошла на уступки террористам.

Казалось, организаторы этого теракта должны понять, что таким методом не добьются вывода войск из Чечни. Но они не поняли. Напротив, они решили нанести еще более страшный удар.

Для этого снова был выбран форпост. Беслан охранялся не так, как Владикавказ, но при этом оставался важнейшим городом республики. От ингушского населенного пункта Пседах, в окрестностях которого готовилась банда Хучбарова

по прозвищу Полковник, до Беслана — всего 45 километров. Они выбрали одну из самых крупных в городе школ. Первого сентября 2004 года в эту школу пришло на первый звонок около 1200 человек.

Школа № 1 — старейшее учебное заведение в Беслане, построена в 1889 году. Считалась лучшей школой в городе. Здесь учились дети спикера северо-осетинского парламента Таймураза Мамсудова, который с семьей жил в Беслане. За время существования школа неоднократно достраивалась, поэтому к 2004 году представляла собой сложный организм из 60 помещений — классных комнат, залов, коридоров. Квадратная форма двора, закрытого со всех сторон ограждениями в виде зданий, создавала для учащихся ощущение уюта и безопасности, но именно она помешала многим заложникам покинуть территорию школы в начале захвата. Примерно в 100 метрах от школы располагалось здание УВД. Возможно, близость отдела милиции и была главной причиной захвата именно этой школы. Как выяснится впоследствии из показаний заложников, не все боевики знали о том, что идут на захват школы — им было сказано о захвате администрации или милиции. Действительно ли главари банды планировали теракт в другом месте и по какой-то причине изменили планы или с самого начала обманывали своих подчиненных, зная, что кто-то может отказаться брать в заложники детей, — неизвестно.

Проданный город

В обед 1 сентября я должна была улетать из Минеральных Вод в Москву. Моя командировка в Чечню закончилась еще 29 августа, но мне необходимы были эти два дня в Пятигорске для перезагрузки. В Пятигорске многие журналисты адаптировались к мирной жизни после войны. Привыкали к тишине, к воде из крана, к тротуарам, к жизни без выстрелов и страха. Эти сутки между войной и миром многим из нас были просто необходимы, чтобы вернуться домой в адекватном состоянии и не падать на землю от любого хлопка.

Я провела целый день на Машуке, где убили Лермонтова и где всегда сумрачно, сыро, тихо и стихи как будто застыли в воздухе. Там я всегда обретаю себя.

Я выпалась в гостинице, прокатилась в трамвае, съела килограмм пятигорского пломбира, собрала рюкзак, почувствовала, что война расступилась, выпустила меня и отползла, как густой туман к болоту, и я готова к возвращению в мирную жизнь. Но рано утром меня разбудил звонок из редакции. Не могу вспомнить, кто именно мне позвонил и сказал про захват школы в Беслане. Но помню быстрый ужас и мгновенную мысль: не ехать. Я знала, что поеду, — коллеги из редакции добрались бы лишь к вечеру, город могли перекрыть. Холодный кокон снова обволакивал меня, как будто лишая воли и возможности выбора.

Я позвонила своим друзьям-фотокорреспондентам — Эдику Корниенко и Валере Мельникову. Мы вместе работали в Чечне на выборах. Эдик ехал из Ставрополя на «Газели»